

К ВОПРОСУ О КОРПОРАТИВНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В.П. Буданова

Аннотация. В статье на основе греко-римской и раннесредневековой нарративной традиции в качестве предмета анализа рассматривается этническая корпоративность как интегративная характеристика этнической общности. Обращено внимание на три сферы проявления корпоративности: общественное сознание, действия/деятельность общности, межличностные отношения внутри общности. Впервые феномен корпоративности раннесредневековой этнической общности интерпретируется как непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и умственных образов, предстающих перед человеком в его внутреннем опыте и превосходящих его практическую деятельность. Статья носит постановочный характер и отражает общее направление и некоторые возможные подходы к изучению конкретных характеристик и свойств раннесредневековых общностей.

Ключевые слова: Античность, Средневековье, германцы, общность, этническая общность, корпоративность, «варварские королевства», Римская империя.

Для цитирования: Буданова В.П. К вопросу о корпоративности раннесредневековой этнической общности // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Часть 2. С. 243–251. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-243-251

243

CORPORATISM OF THE EARLY MEDIEVAL ETHNIC COMMUNITY

V.P. Budanova

Abstract. The article considers ethnic corporatism as an integrative characteristic of ethnic community based on the Greek and Roman and early medieval narrative tradition to be the subject of analysis. Attention is paid to three spheres of corporatism manifestation: social consciousness, actions/activities of the community, interpersonal relations within the community. For the first time the phenomenon of corporatism of early medieval ethnic community is interpreted as a constantly changing set of sensual and mental images that appear before a person in his inner experience and anticipating his practical activity. The article has a staged nature and reflects the general direction and some possible approaches to the study of specific characteristics and properties of early medieval communities.

© Буданова В.П., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *Antiquity, Middle Ages, Germans, community, ethnic community, corporatism, “barbarian kingdoms”, Roman Empire.*

Cite as: Budanova V.P. Corporativism of the Early Medieval Ethnic Community. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 4, part 2, pp. 243–251. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-243-251

Вопрос об этнической специфике раннего средневековья не является новым в мировой историографии. Однако имеется, по крайней мере, три обстоятельства, побуждающие к его дальнейшему исследованию. Первое — достигнутая за последнее время большая ясность в истолковании специфики транзитивных, переломных этапов, в том числе рубежа Античности и Средневековья. Следует иметь в виду, что когда говорят об этом времени, то подразумевают не только переход от одних форм собственности к другим, от одних социальных и политических структур к другим, но к превращению этнического самосознания в национальное. Второе обстоятельство — заметные успехи последних лет в разработке общей теории этноса и прежде всего категорий «этничность», «этническая общность» и «этносоциальный организм». И, наконец, третье — возросший интерес историков, этнологов, психологов, философов и социологов к этническому аспекту поведения человека в истории.

Несколько слов о терминологии. Под «раннесредневековой этнической общностью» имеется в виду любая группа людей, которая, во-первых, объединяется общностью происхождения, а также общностью исторической судьбы и осознания своего единства в прошлом и настоящем, и, во-вторых, представляет иерархически организованное потестарное единство, «политический народ» [1]. Некоторого разъяснения требует и определение «корпоративность этнической общности», которое используется в статье. С точки зрения системного подхода этническая общность «в норме» представляет собой открытую систему, в отличие от корпоративности как одного из свойств системы закрытой. Однако внутреннее содержание жизнедеятельности любой этнической общности состоит в реализации двух начал: самосохранения и саморазвития, поэтому в транзитивный, переходный период, и в частности в эпоху бурных передвижений народов, особенно при столкновении и взаимодействии с другими общностями, этническая может переживать периоды «закрытости» для сохранения своей системы отношений. Обострение этнического фактора приобретает форму специфического интегративного качества общности, которую допустимо назвать корпоративностью. При этом следует также различать корпоративность внутреннюю и внешнюю. Внешняя корпоративность отделяет членов данной общности от их соседей, т. е. представляет фактор этнической дифференциации. Задача внутренней корпоративности состоит в обеспечении целостности конкретной общности, в ее нормальном функционировании в качестве таковой. Важно также обратить внимание на двоякое проявление корпоративности. Во-первых, она характеризует общественное сознание человека, основанное на сходном, связанным с этническим аспектом понимания прошлого и настоящего, осознания себя в качестве принадлежности к особой группе по этнопотестарному признаку. Во-вторых, это

характеристика деятельности или действий данной общности, отраженной и в особой атрибутике (одежда, украшения, прически и т. д.), и особых «моделях» действий (обряды, стереотипы поведения, образ жизни и т. д.). Вероятно, можно иметь в виду и третью, в какой-то мере производную от первых двух, сферу проявления корпоративности — межличностные отношения как внутри общности, так и вовне с представителями других этнических групп.

В ходе миграционных процессов Великого переселения народов, особенно на его заключительном этапе, имела место как этническая корпоративность, которая объединяла этнооднородные племена и открывала им возможность стать ядром какого-либо действия, события, так и этноориентированная корпоративность, которая сплачивала этнически разнородные племена вокруг одного, которое более ярко и заразительно несло в себе главную идею, или, как полагает Р. Венкус, «ядро традиции» сплочения [2]. Такое этнооднородное племя в подобной этнической общности выступало как бы ее коллективным лидером, что добровольно (или насильственно) побуждало ведомые им племена принимать порой хотя бы на время не только этническое имя своего лидера, но и усваивать некоторые стереотипы его поведения. Подобные явления, проявившиеся в конце Античности и начале Средневековья на уровне этнической или этноориентированной корпоративности, стали преддверием того процесса, который позже происходил в «варварских королевствах», например, Лангобардском. Только этноориентированное перерастало уже в социоориентированное на определенную государственную власть, нередко связанную с конкретной лидирующей этнической общностью, по имени которой государство и получило название [3; 4].

Успех германцев, вторгшихся в западноримские провинции Империи, состоялся еще и потому, что этническая корпоративность у этих племен приближалась к своему пику. Готы, вандалы, бургунды, франки, лангобарды сплотили под свои знамена множество племен и народов, которые не были одной с ними крови, например, аланы, сарматы, квады, норики, но которые принимали обычаи и правила, образ жизни и систему ценностей германцев. Безусловно, вряд ли стоит преувеличивать степень внутренней солидарности и закрытости таких «этнических корпораций». Они имели разную степень консолидации. Нельзя забывать и о присутствии такого психологического фактора, как чувство принадлежности к тому или иному большому племени германцев [3]. Оно создавало некий комфорт, ибо ограждало, поддерживало, вдохновляло и спасало в ситуации хаоса и опасности. Довольно известный образ «государства Эрманириха» питал национальный дух остготов в Италии, вселял в короля Теодериха уверенность в будущем своей династии и благоприятных перспективах королевства [5; 6, с. 233–239]. Эта уверенность формировалась, прежде всего, на основе культурной и языковой общности, при определенных обстоятельствах усиливая представление об общей исторической судьбе всех готских племен [7; 8]. Причастность к общности, именуемой *gens, natio, populus Gothorum*, осознавалась и санкционировала в ряде жизненных ситуаций поступки человека.

Поскольку в этнических общностях преобладают вертикальные, т. е. диахронные, информационные связи, взгляд этноса всегда обращен в прошлое [9]. В прошлом он ищет ответ на вопрос о своем происхождении, ищет подтверждение правоисключительности своих исторических претензий. Временная вертикаль

«потомки-предки» всегда пронизывала верования германцев, особенно остро проявлялась в периоды усиления их этнической консолидации, подпитывая основы конкретных устремлений. Показательный пример стремления к этнической консолидации отразило появление сочинений *Origines gentes* [10]. Героические картины прошлого, яркие образы конунгов и вождей в трудах Гильды, Исидора Севильского, Иордана, Григория Турского, Фредегара, Павла Диакона укрепляли у германской элиты чувство собственного превосходства над населением некогда могущественной Римской империи, санкционировали и закрепляли в принимаемых законах «варварских королевств» право на занимаемую территорию, на власть над другими племенами [11–15]. Со славными предками связывались и притязания на чужие земли. В качестве примера, можно вспомнить претензии лангобардов к Карлу Великому после 774 г. Но, что весьма показательно, появление исторических сочинений «Происхождение народа» (как не парадоксально) свидетельствует и о начале кризиса этнической корпоративности, ибо возможность влияния племенного самосознания уже была исчерпана, как исчерпала себя к этому времени и возможность развития племен как этнических объединений [16].

Обратим внимание еще на одно из проявлений этнической корпоративности — это название общности, а также имя человека, который входил в эту общность. Историкам, археологам и этнологам давно известно, что не всегда за общим названием того или иного племени имеет место реальное этническое единство, т. к. народы разделялись, объединялись, рассеивались. И тем не менее именно этноним оставался одним из последних, наиболее устойчивых индикаторов этнической корпоративности, даже если судьбы двух одноимённых групп не пересекались в видимой исторической перспективе [17]. Имя человека и название народа — это визитная карточка, заветное слово, кодовый символ и знак, передаваемый из поколения в поколение. Произнесенное вслух название той или иной этнической общности или человека являлось звуковой меткой, символом-маркером, звуковым индикатором общности. В совокупности с другими признаками это создавало механизм дифференциации социума, служило одним из проявлений этнической корпоративности «свой народ — чужой народ», «свой человек — чужой человек». Антропоним и этноним как бы становились «внешним барьером» и одновременно «внутренней цензурой», отделяющей «своих» от «чужих». Но в раннем средневековье этот барьер был зыбким, ибо хорошо известно, что в «варварских королевствах» коренные жители часто использовали германские антропонимы, если видели в этом выгоду. Кроме того, имело место и обратное явление, когда германцы и другие пришедшие с ними племена принимали римские имена. Наблюдался также и процесс превращения ряда этнонимов в политонимы [там же].

В многоэтнической ситуации «варварских королевств» этническая принадлежность имела престижное значение и зачастую определяла статус человека. Вследствие важной социальной роли этнической принадлежности росли этнические различия и этническая разобщенность, т. к. и привилегированные, и подчиненные этнические группы искусственно поддерживали и углубляли свои культурные различия, стремились законсервировать и упрочить свой образ жизни, свою систему ценностей и традиций. Так, например, остроготская знать требовала от дочери Теодериха Амаласунты соблюдения в воспитании малолетнего конунга Аталариха готских

традиций, в «королевстве вандалов» запрещались межэтнические браки [18–20]. Корпоративность из «фильтра», пропускающего самые различные влияния извне, помогающие укреплять этническую общность (например, роль арианства в начале христианизации германцев), превращалась в «стену» этноцентризма.

Как известно, этнические общности раннего средневековья существовали в социальной действительности лишь в рамках определенных общественных институтов. Этническое развитие представляло лишь относительно самостоятельную линию жизни общества и реализовывалось главным образом через его структуры власти. Потестарно-политические структуры раннесредневековых *gentes* выполняли функцию важнейшего разграничителя в системе отношений «мы — они», создавали определенную корпоративность этого «мы», становились первостепенной важности факторами этнической консолидации и дифференциации. Особенно ярко проявлялась корпоративность на арене борьбы за власть. Известно отношение германцев к авторитету власти, к энергии лидеров и вождей, почти мистическое понимание ими связи народа с королем [21–23]. Приближенность к королевской власти определяла социальный статус человека. Через это отношение формировалась определенная система ценностей, например, чувство собственного превосходства остроготовов, самоуверенность франков, презрение к физическому труду вандалов, иллюзорные надежды везеготов считать династический брак залогом стабильности. Власть «варварских королевств» выступала в качестве того ядра, вокруг которого консолидировалась этническая общность. Она скрепляла конкретный этносоциальный организм и тем самым выполняла очень значительную этническую функцию.

В раннесредневековых «варварских королевствах» имела место тенденция фиксации этнических границ средствами власти [22–25]. Местное население жило по законам римского права, а германцы по своим законам. Им была доверена военная служба и защита «королевства», а римлянам — административная и юридическая деятельность. Последние были ортодоксальными христианами, а основная масса германцев придерживалась арианского вероисповедания. Однако результаты фиксации этнических границ, как и ее формы, как известно, были достаточно разными у готов, лангобардов, англосаксов, франков и бургундов. Один из способов фиксации этнических границ — переселение из прежних районов обитания в регионы с этнически чуждой средой. Притом такие переселенные группы с помощью и средствами власти искусственно поддерживались как замкнутые, например, часть готов Атанариха — «малые готы» [18; 26]. Власть короля усиливала и закрепляла естественную в таких обстоятельствах тенденцию к сохранению своей этнокультурной индивидуальности [22].

Таким образом, потестарно-политические структуры «варварских королевств», в своем функционировании выполняющие роль фактора как этнической консолидации, так и дифференциации, именно в силу этих причин осознавались членами общности в качестве этнического индикатора. Сознание принадлежности к определенному этнополитическому организму превращалось в один из главных знаков, отделяющих «своего» от «чужака».

Конечно, изложенное выше не раскрывает корпоративность как характеристику этнической общности во всей ее полноте. Здесь представлены преимущественно

проявления корпоративности в восприятии, осознании и понимании человеком или группой людей общественно-исторической жизнедеятельности. Корпоративность раннесредневековой этнической общности — это непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и умственных образов, предстающих перед человеком в его внутреннем опыте и предвосхищающих его практическую деятельность. Как было отмечено ранее, корпоративность проявляется во взаимоотношениях и действиях людей, т. к. определенные модели сознания реализуются в конкретных моделях поведения и определенных алгоритмах отношений. Дальнейшее изучение феномена этнической корпоративности подразумевает не только конкретный анализ ее проявлений в указанных выше направлениях, но и рассмотрение взаимосвязей, взаимодействий и взаимовлияний этих трех направлений, чтобы охарактеризовать корпоративность как целостное системное явление. Корпоративность как процесс и одновременно как качество заслуживает исследовательского внимания, тщательной глубокой проработки. Это поможет выявить с большей точностью типологическое своеобразие этнических образований на разных этапах Великого переселения народов, а, следовательно, и уточнить особенности тех объединительно-разделительных процессов, которые происходили при рождении новых народов Европы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wolfram, H.* Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin, 1990.
2. *Wenskus, R.* Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.
3. *Колесницкий, Н.Ф.* Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // Средние века. Вып. 48. М.: Наука, 1985. С. 5–26.
4. *Корсунский, А.Р., Гюнтер, Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: МГУ, 1984.
5. *Шкаренков, П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ, 2004.
6. *Шкаренков, П.П.* Падение Римской империи: стереотипы историографии и новое прочтение источников // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 233–239.
7. *Скардили, П.* Готы: язык и культура / пер. с нем. А.Д. Сыщикова; науч. ред. перев. Г.А. Баева, П.В. Шувалов. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2012.
8. *Уколова, В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. Конец V – середина VII в. М.: ЛКИ, 2014.
9. *Крюков, М.В.* «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнического самоназвания) // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. М.: Наука, 1984. С. 6–12.
10. *Goffart, W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988.
11. *Gildas Sapiens.* Liber querulous de calamitate, excidio et conquestu Britanniae / H. Petrie (ed.) // Monumenta historica Britannica. London, 1848. P. 1–46.
12. *Isidorus Hispalensis.* Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum / Th. Mommsen (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. XI. Chronica minora. Saec. IV–VII. II. Berlin.

13. *Iordanes. Getica (De origine actibusque Getarum)* // Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. Vol. V. Ps. 1. Berlin, 1882.
14. *Gregorius Turonensis. Historia Francorum* / W. Arndt et Br. Krusch // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Vol. 1. Hannover, 1887. P. 31–450.
15. *Paulus Diaconus. Historia gentis Langobardorum* / L. Beithmann et G. Waitz (ed.) // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Berlin, 1878.
16. *Plassmann, A. Origo gentis: Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen*. Berlin, 2006.
17. *Буданова, В.П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья* / под ред. В.И. Уколовой. М.: ИВИ РАН, 1993.
18. *Вольфрам, Х. Готы* / под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалова. СПб.: Ювента, 2003.
19. *Удальцова, З.В. Италия и Византия в VI веке*. М., 1959.
20. *Leguay, J.-P. L'Europe des États barbares V–VIII siècles*. Paris, 2002.
21. *Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление: коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер* / под ред. В.К. Никольского, А.В. Киссина. М.: Кранд, 2012.
22. *Санников, С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в ранне-средневековой западноевропейской историографии*. Новосибирск: НГТУ, 2009.
23. *Хизер, П. Падение Римской империи* / пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семенов. М.: АСТ; Астрель, 2011.
24. *Kulikowski, M. Rome et les Goths. III–V siècle, invasions et intégration*. Paris, 2009.
25. *Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World* / H.-W. Goetz (ed.). Leiden, 2003.
26. *Буданова, В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов*. СПб.: Алетея, 1999.
27. *Barbero, A. Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain*. Paris, 2011.
28. *Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum* / J.P. Migne (ed.) // Patrologiae cursus completus. Series latina. T. XCV. Paris, 1861. Col. 21–290.
29. *Ганина, Н.А. Готская языческая лексика*. М.: МГУ, 2001.
30. *Das Reich und die Barbaren* / E. Chrysos, A. Schwarcz (eds.). Vienne, 1989.
31. *Teillet, S. Des Goths à la Nation gothique. Les origins de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle*. Paris, 2011.
32. *Heather, P. The Fall of the Roman Empire. A New History of Rome and the Barbarians*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

REFERENCES

1. *Wolfram, H. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter*. Berlin, 1990.
2. *Wenskus, R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln, Graz, 1961.
3. *Kolesnickij, N.F. Etnicheskie obshchnosti i politicheskie obrazovaniya u germancev I–V vv. [Ethnic Communities and Political Formations among the Germans of the I–V Centuries]. In: Srednie veka. Vyp. 48 [The Middle Ages, iss. 48]. Moscow, Nauka, 1985, pp. 5–26. (in Russ.)*

4. Korsunskij, A.R., Gyunter, R. *Upadok i gibel Zapadnoj Rimskoj imperii i vznikovenie germanskih korolevstv (do serediny VI v.)* [The Decline and Death of the Western Roman Empire and the Emergence of the German Kingdoms (Until the Middle of the VI Century.)]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1984. (in Russ.)
5. Shkarenkov, P.P. *Rimskaya tradiciya v varvarskom mire. Flavij Kassiodor i ego epoha* [Roman Tradition in the Barbarian World. Flavius Cassiodorus and His Epoch]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2004. (in Russ.)
6. Shkarenkov, P.P. Padenie Rimskoj imperii: stereotipy istoriografii i novoe prochtenie istochnikov [The Fall of the Roman Empire: Stereotypes of Historiography and a New Reading of Sources], *Novyj istoricheskij vestnik* = New Historical Bulletin, 2008, No. 1 (17), pp. 233–239. (in Russ.)
7. Skardili, P. *Goty: yazyk i kultura* [Goths: Language and Culture]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Nestor-Istoriya, 2012. (in Russ.)
8. Ukolova, V.I. *Antichnoe nasledie i kultura rannego srednevekovya. Konec V – seredina VII v.* [Ancient Heritage and Culture of the Early Middle Ages. The End of the V – Middle of the VII Century]. Moscow, LKI, 2014. (in Russ.)
9. Kryukov, M.V. “Lyudi”, “nastoyashchie lyudi” (k probleme istoricheskoy tipologii etnicheskogo samonazvaniya) [“People”, “Real People” (On the Problem of Historical Typology of Ethnic Self-Designation)]. In: *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic Onomastics], ed. by R.Sh. Jarylgasinoва, V.A. Nikonov. Moscow, Nauka, 1984, pp. 6–12. (in Russ.)
10. Goffart, W. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon*. Princeton, 1988.
11. Gildas Sapiens. Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae, H. Petrie (ed.). *Monumenta historica Britannica*. London, 1848, pp. 1–46.
12. Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalarum, Sueborum, Th. Mommsen (ed.). *Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. XI. Chronica minora, Saec. IV–VII, II*. Berlin.
13. Iordanes. Getica (De origine actibusque Getarum). *Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi*, vol. V, ps. 1. Berlin, 1882.
14. Gregorius Turonensis. Historia Francorum, W. Arndt et Br. Krusch. *Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum*, vol. 1. Hannover, 1887, pp. 31–450.
15. Paulus Diaconus. Historia gentis Langobardorum, L. Beithmann et G. Waitz (ed.). *Monumenta Germaniae historica. Scriptores*. Berlin, 1878.
16. Plassmann, A. *Origo gentis: Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen*. Berlin, 2006.
17. Budanova, V.P. *Etonimiya plemen Zapadnoj Evropy: rubezh antichnosti i srednevekovya* [Ethnonymy of the Tribes of Western Europe: The Frontier of Antiquity and the Middle Ages], ed. by V.I. Ukolova. Moscow, Institut vseobshchej istorii Rossijskoj akademii nauk, 1993.
18. Volfram, H. *Goty* [Goty], ed. by M.B. Shchukin, N.A. Bondarko and P.V. Shuvalov. St. Petersburg, Yuventa, 2003.
19. Udaltsova, Z.V. *Italiya i Vizantiya v VI veke* [Italy and Byzantium in the VI Century]. Moscow, 1959.
20. Leguay, J.-P. *L'Europe des États barbares V–VIII siècles*. Paris, 2002.
21. Levi-Bryul, L. *Pervobytnoe myshlenie: kollektivnye predstavleniya v soznanii pervobytnyh lyudej i ih misticheskij harakter* [Primitive Thinking: Collective Representations in the Minds of Primitive People and Their Mystical Character], ed. by V.K. Nikolsky, A.V. Kissin. Moscow, Krasand, 2012.

22. Sannikov, S.V. *Obrazy korolevskoj vlasti epohi Velikogo pereseleniya narodov v rannesrednevekovoj zapadnoevropejskoj istoriografii* [Images of Royal Power of the Epoch of the Great Migration of Peoples in Early Medieval Western European Historiography]. Novosibirsk Novosibirskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2009.
23. Hizer, P. *Padenie Rimskoj imperii* [The Fall of the Roman Empire]. Moscow, AST6 Astrel, 2011.
24. Kulikowski, M. *Rome et les Goths. III–V siècle, invasions et intégration*. Paris, 2009.
25. Regna and Gentes. *The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World*, H.-W. Goetz (ed.). Leiden, 2003.
26. Budanova, V.P. *Goty v epohu Velikogo pereseleniya narodov* [Goths in the Era of the Great Migration of Peoples.]. St. Petersburg, Aleteja, 1999.
27. Barbero, A. *Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain*. Paris, 2011.
28. Beda Venerabilis. *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, J.P. Migne (ed.). *Patrologiae cursus completus. Series latina*, vol. XCV. Paris, 1861, col. 21–290.
29. Ganina, N.A. *Gotskaya yazycheskaya leksika* [Gothic Pagan Vocabulary]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 2001.
30. *Das Reich und die Barbaren*, E. Chrysos, A. Schwarcz (eds.). Vienne, 1989.
31. Teillet, S. *Des Goths à la Nation gothique. Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle*. Paris, 2011.
32. Heather, P. *The Fall of the Roman Empire. A New History of Rome and the Barbarians*. Oxford, Oxford University Press, 2005.

Буданова Вера Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории по исследованию цивилизации и варварства, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, vpbudanova@yandex.ru

Vera P. Budanova, ScD in History, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory for the Study of Civilization and Barbarism, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, vpbudanova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.08.2024. Принята к публикации 27.09.2024
The paper was submitted 23.08.2024. Accepted for publication 27.09.2024